

Предисловие

Период с марта 1306 года, когда Роберт Брюс совершил отчаянную попытку заполучить шотландскую корону, до конца лета 1308-го, когда разгромил клан Макдугаллов в битве на перевале Брандер, являет собой пример одного из самых драматичных в истории падений с последующим взлетом.

Брюс проиграл уже к сентябрю 1306-го, через шесть месяцев после того, как был коронован в местечке Скун руками Изабеллы Макдуфф, графини Бьюкен. Король был вынужден бежать из своего королевства в поисках убежища за пеленой мрачных туманов Западных островов, но спустя полгода, преодолев мертвую хватку несомненного разгрома, с помощью тайного отряда лучших воинов, известного как Шотландская гвардия, Брюс вернулся в Шотландию и расправился не только с англичанами, но и с шотландскими лордами, которые восстали против него.

Однако не все сторонники Брюса сумели избежать гнева самого могущественного в христианском мире короля Эдуарда Плантагенета, самопровозглашенного «молотом шотландцев». Многим пришлось заплатить самую высокую цену, другие до конца дней страдали в застенках.

В это жестокое время, когда черта между жизнью и смертью зачастую была иллюзорна как тень, Брюс вновь призвал под свои знамена легендарных воинов Шотландской гвардии в надежде вернуть себе свободу.

Пролог

«Поскольку не сокрушила она мечом, то и не умрет от меча, но вследствие незаконной коронации, которую совершила, да будет она заточена в тесное обиталище из железа и камня в форме креста и да будет подвешена за стеной под открытым небом в Берувике, при жизни и после ее смерти, дабы была она выставлена напоказ и вечное порицание проезжающих путников».

Приказ Эдуарда I о заключении
Изабеллы Макдуфф, графини Бьюкен

*Замок Берувик, Берувик-апон-Твид, Английская
Марка близ шотландской границы,
конец сентября 1306 года*

Они пришли за ней.

Белла услышала, как открылась дверь, и увидела констебля в сопровождении нескольких стражников. Но ее ум по-прежнему отказывался принимать правду.

Это происходит не наяву. Этого просто не может быть.

В те недели, пока для нее строили особую тюрьму, Белла твердила себе, что кто-то непременно вмешается и положит конец этому варварству под маской правосудия.

Ее обязательно спасут.

Вдруг Эдуард I все-таки смягчится, как было в случае с дочерью и супругой Брюса, и отправит ее в монастырь? Или, может статься, бывший супруг Беллы, граф Бьюкен, смирит свою ненависть и будет умолять о милосердии от ее имени?

Пусть враги ее ничего не сделают. Но ведь она может рассчитывать на помощь друзей? Брат мог бы употребить свое влияние, ведь он любимчик сына короля, или Роберт... Роберт должен что-нибудь сделать. Не может он бросить ее в несчастье после всего, чем она рискнула ради того, чтобы возложить на его голову корону.

В минуты слабости она даже твердила себе, что, возможно, заблуждается насчет Лахлана Макруайри: может, прослышав о том, что придумал для нее Эдуард, он вернется и найдет способ ее освободить.

Ну не могут эти мужчины бросить ее на произвол судьбы.

Увы, никто так и не пришел, никто не вмешался. Эдуард вознамерился наказать ее так, чтобы другим неповадно было; муж ее презирал; а брат и сам был узником, пусть и привилегированным; Брюс сражался за собственную жизнь, а Лахлан... был одним из тех, кто засадил ее сюда.

Белла была совсем одна, если не считать кузину Маргарет, которой предстояло стать ее служанкой, — единственная уступка ее благородному происхождению, на которую расшедрился Эдуард.

Комендант замка Берувик, сэр Джон де Сигрейв, один из полководцев Эдуарда в военной кампании против Шотландии, смущенно откашлялся, избегая встречаться с ней глазами. Похоже, даже приспешник Эдуарда не одобряет чинимое своим королем «правосудие».

— Час настал, миледи.

Приступ ужаса мгновенно сковал Беллу так, что сердце, казалось, перестало биться. Она застыла, как лань при виде охотника, затем включился инстинкт, запуская безумный ток крови в жилах. Она почувствовала неодолимое желание бежать куда глаза глядят, прочь от стрелы, нацеленной прямо в сердце.

Похоже, один из стражников угадал ее мысли, потому что выступил вперед, схватил за руку и потянул, заставляя встать. От его прикосновения Беллу передернуло.

Ее бросало в дрожь при одном виде сэра Саймона

Фитцхью, жестокого капитана гвардии, с его красным, вечно потеющим лицом, зловонным дыханием и похотливыми взглядами.

Он потащил ее к двери, но она вздумала было сопротивляться: отпрянула назад, упираясь ногами в каменный пол, отказываясь двигаться, — пока не увидела его ухмылку. Злорадные огоньки в его глазах сказали ей, что именно этого он и ждал: сопротивления, чтобы видеть ее страх. Хотел протащить ее через весь замковый двор на глазах у всех, чтобы унижить и опозорить.

Осознание этого ослабило ее сопротивление. Белла окинула мучителя ледяным взглядом и жестко потребовала:

— Убери руки!

В глазах его вспыхнул гнев, и Белла поняла, что совершила ошибку, выказав высокомерное презрение. Позже, когда окажется всецело в его власти, ей придется сполна заплатить за свои слова: негодяй не совершит над нею насилия — пусть ее заклеямили как мятежницу и признали виновной в предательстве, но она все еще графиня, — зато отыщет другие способы наказать ее и превратить жизнь в ад в следующие...

Новый приступ панического ужаса сковал сердце Беллы. Дни? Месяцы? Она пыталась проглотить ком в горле. О господи — а что, если годы?

Она почувствовала горечь желчи во рту. Желудок скрутило судорогой, когда вслед за комендантом Белла вышла из комнатки при караулке, что служила ей временной тюрьмой.

Первое, что заметила она, шагнув наружу после месяца заточения, был вовсе не яркий дневной свет, и не свежий воздух, и не огромная толпа, которая собралась, чтобы смотреть на ее мучения, а пронзительный ветер и резкий холод, пробирающий до костей. Тяжелые шерстяные одеяния, в которые она закуталась, вмиг показались ей невесомыми, точно тоненькая нижняя сорочка.

Такой жуткий холод — в сентябре. А что же будет в декабре или в январе, когда ее подвешат на верши-

не башни, где защитой от жестоких восточных ветров будут лишь железные прутья клетки-тюрьмы? Ее пронзила дрожь.

И это не укрылось от ее тюремщика.

— Кажется, зима в этом году ранняя, не так ли, графиня? — Ее титул мерзавец произнес с издевкой, а потом ткнул пальцем вверх, в направлении башни, наклонился ближе, опалая ее кожу зловонным дыханием. — Гадаете, уютно ли будет в вашей клетке в снег и ледяной дождь? Я готов вас согреть, если попросите полюбезнее!

Он буквально ошупывал глазами ее грудь, и она почувствовала себя нечистой, хотя была закутана в толстые шерстяные одежды до самого подбородка. Похоть в его взгляде ощущалась буквально физически, и эту вонючую мерзость не смыть, сколько ни три себя мочалкой.

От отвращения Белла вздрогнула, запретив себе смотреть в том направлении, куда указывала его рука, иначе им придется тащить ее волоком через двор замка. Нельзя, чтобы он видел ее страх: уж лучше замерзнуть до смерти, чем дать ему возможность испытать триумф.

Глаза Фитцхью вспыхнули злобой — мучитель понял, что она не лукавит, и сплюнул на пол буквально в дюйме от шитого золотом подола ее дорогого платья.

— Надменная сука! Через недельку-другую у тебя побавится спеси!

Тут он ошибался: гордость — это все, что у нее осталось, что придаст ей сил и поможет выжить. Ведь она Макдуфф, представительница древнего рода мормэров Файфских — высочайшего в Шотландии, дочь графа, сестра графа да еще и жена графа, пусть и нарушившая супружеские обеты.

У английского короля нет никакого права ее судить, и тем не менее он приговорил ее, да еще с небывалым варварством, в назидание: чтобы охладить пыл мятежников, осмелившихся поддержать притязания Роберта Брюса на шотландский престол.

Ни благородная кровь, ни принадлежность к женскому полу не стали для нее защитой: Эду-

арду Плантагенету, королю Англии, до этого не было дела. Ведь она посмела короновать мятежника, и за это преступление ее подвешат в клетке на самой высокой башне замка Берувик, открытой всем стихиям и любопытным взглядам, чтобы каждый мог увидеть ее и содрогнуться от страха.

Белла и представить не могла, чего будет стоить ей один безрассудный поступок. Дочь. Свобода. А теперь... это.

Она хотела совершить что-то очень важное: помочь родной стране, исполнить свой долг, — но вовсе не в назидание кому бы то ни было.

Этого не должно было случиться.

Господи, какой наивной душой она была! Именно так сказал Лахлан, обвиняя ее в самоуверенности, бескомпромиссности и непоколебимом максимализме.

А теперь посмотрите-ка на нее!

И все же не могла она согласиться с Лахланом: не может он быть прав. Иначе ради чего все это?

Нет, не стоит думать об этом негодяе: слишком уж больно. Как он мог так поступить? Возможно, потом — у нее ведь будет достаточно времени, чтобы проклясть Лахлана Макрауйри. Чтоб ему провалиться в преисподнюю, откуда он, несомненно, и появился!

Руки сами собой сжались в кулаки. Нет, она не должна показывать им свой страх. Они не смогут сломить ее. Так твердил ей разум, но сердце испуганно трепетало, когда она медленно шла через замковый двор.

Но что происходит? Толпа, которую собрали, чтобы орать, свистеть, улюлюкать, называть ее грязными словами и швырять в нее гнилыми яблоками и объедками, безмолвствовала: вокруг царила гробовая тишина.

Жители прославленного ярмарочного городка, когда-то принадлежавшего Шотландии, не понаслышке знали о неумолимой жестокости английского короля. Десятью годами раньше Берувик пал, а его жители были перебиты, что стало актом величайшей жестокости, совершенным

8 в ходе долгой и опустошительной войны между

Англией и Шотландией. Ни женщинам, ни детям, ни старикам — никому не было пощады в той бойне, которая продолжалась двое суток и унесла тысячи жизней.

Безмолвие толпы было протестом, знаком осуждения, предостережением королю Эдуарду и свидетельством чудовищной несправедливости.

От нахлынувших чувств Белла ощутила стеснение в груди, глаза жгло от подступивших слез. Нежданно-негаданно она поняла, что вовсе не одинока: у нее все-таки есть поддержка. Не все покинули ее! И все же тонкие нити гордости, которые не давали ей пасть духом и телом, угрожающе натянулись.

Что-то мелькнуло в воздухе: она уловила движение краешком глаза и инстинктивно отпрянула, опасаясь, что кто-нибудь все-таки чем-нибудь в нее запустит, — но вместо гнилого яблока или тухлого яйца увидела у своих ног бутон алой розы.

Один из стражей попытался остановить ее, когда она нагнулась поднять цветок, но она остановила его взмахом руки и громко произнесла:

— Это всего лишь роза! Неужели воины Эдуарда боятся даже цветов?

Издавка в ее голосе была услышана, и толпа отреагировала смешками и язвительными замечаниями. Рыцарям Эдуарда полагалось быть образцом благородства, но ничего подобного не было в том, что совершалось в этот день.

Фитцхью хотел было вырвать розу из ее руки, но его остановил сэр Джон:

— Не стоит. Проявим милосердие: какой вред в цветке?

Белла подоткнула розу под фамильную брошь Макдуффов, скреплявшую полы подбитой мехом накидки, и склонила голову в знак признательности за безмолвную поддержку толпы.

Розовый бутон — при всей его незатейливости — придал ей сил: не все ее покинули, шотландцы с ней, — но, войдя в башню, узница оказалась в полном

одиночестве. Мрак внезапно окутал ее, как могильное нутро. Мысли о безрадостном будущем уже не отпускали Беллу. Каждый шаг становился медленнее и тяжелее предыдущего, давался с большим трудом, пока ее вели вверх по узкой лестнице, похожей на колодец. Ей казалось, что она погружается в трясину, глубже и глубже, и беспомощно тонет, не в силах выбраться.

Она попыталась прогнать страх, но он вгрызлся в нее как стая голодных волков.

Наконец они дошли до самого верха и остановились на запруженной людьми лестнице, пока комендант возился с новеньким замком на двери, ведущей к зубчатому навершию башни. Здесь будет выставлена охрана, чтобы исключить любую возможность побега узницы.

Наконец дверь распахнулась, и порывом ветра Беллу чуть не сбило с ног.

Боже правый! Она и представить себе не могла, что будет так холодно! Белла инстинктивно отпрянула, отказываясь сделать шаг вперед, но стражники за ее спиной сомкнули строй, вынуждая выйти на крышу.

Ветер хлестал так, что едва не сорвал с плеч накидку, и ей пришлось вцепиться в полы руками и выйти к башенным зубцам. Похоже, от неизбежной расправы не уйти. Она медленно подняла глаза, чтобы рассмотреть наконец то, к чему приговорил ее Эдуард, и с губ ее слетел испуганный вскрик. Белла знала, чего ожидать, но ноги все равно подкосились при виде встроеной в парапет клетки из железа и камня, имевшей форму креста.

Крест! Рассматривая это чудовищное сооружение, Белла меньше всего думала о христианстве. Деревянные решетчатые стены перекрещивались железными прутьями и удерживались между зубцами парапета посредством камня и металлических скоб. Клетка больше напоминала склеп — не более шести футов в длину и четырех в ширину. Господи, да она не сможет там повернуться!

10 Не было даже кровати, лишь соломенный тюфяк,

на котором ей предстояло спать. Маленькая жаровня была слабым спасением от пронизывающего холода. В один из углов был вделан грубый табурет, а в другом стоял деревянный ящик с крышкой...

Ее затошнило, когда она поняла, что это такое. Ей не позволят даже выходить в уборную: нужду придется справлять в этот ящик, — ее хваленая сила воли начала давать сбой.

Белла инстинктивно попятилась, но тюремщик был начеку:

— Передумали, графиня? Как по мне, так слишком поздно. Надо было думать головой, прежде чем бросать вызов величайшему королю всего христианского мира!

Так стояла она на башне и разглядывала жуткую клетку, понимая, что придется в нее войти. Вот только получится ли из нее выйти? И Белла, к собственному стыду, вынуждена была признаться себе: ее решимость дрогнула. Может, негодяй прав? В этот момент ее убеждения и вера в правоту собственного поступка дрогнули под напором ужаса... но всего на одно мгновение.

Это просто клетка, сказала она себе. Ей выпадали испытания и похуже: когда обвинял и подозревал муж; когда ее гнали по всей Шотландии, точно собаку; когда предал мужчина, которому доверилась; но самым страшным была разлука с дочерью.

Мысль о дочери придавала Белле сил. Она должна все вынести, чтобы вновь увидеть Джоан.

— Он мне не король.

Изабелла Макдуфф, посмотрев своему грязному мучителю прямо в глаза, с высоко поднятой головой вошла в железную дверь своей клетки.

Глава 1

*Замок Балвени, графство Мори,
шестью месяцами раньше*

Белла не видела ничего вокруг. Мысли метались — столько всего нужно было сделать перед отъездом. Брошь! Фамильную драгоценность Макдуффов нужно непременно надеть на церемонию.

Вот и отсутствие в дверях стражи она заметила лишь тогда, когда было слишком поздно. Ее застали врасплох, напав сзади, когда она входила в свою спальню. Это было так неожиданно и страшно, что сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди. Нежданный гость прямо-таки излучал опасность: громила, гора мышц — сопротивляться такому все равно что сражаться со скалой.

Но Белла не собиралась сдаваться без боя: пытаюсь освободиться, лягнула его ногой, но он лишь сильнее стиснул ее своими ручищами. Закричать не позволила его ладонь, зажавшая рот.

— Не дергайтесь! — хрипло сказали ей на ухо. — Я не сделаю вам ничего дурного. Я здесь, чтобы отвезти вас в Скун.

Она замерла, впитывая его слова сквозь пелену страха. Скун? Но ей надлежит ехать в Скун только завтра. Люди Роберта должны разыскать ее в лесу, когда она будет возвращаться из церкви, а не похищать из замка.

Ее сердце бешено стучало, пока она пыталась уразуметь, что к чему, и решить, можно ли доверять незнакомцу. Но сильная рука, затянутая в кожу, вдруг сдавила ее плечи.

Боже правый, этот грубиян мог бы переломить ее надвое, стоило только нажать посильнее.

Так они стояли в полутьме, не двигаясь, пока он ждал, когда его слова дойдут до ее сознания.

— Вы понимаете?

Грубый голос не способствовал тому, чтобы она успокоилась, но разве у нее был выбор? Она едва ли не задыхалась, когда его рука так плотно зажимала рот. Кроме того, он мог бы давно ее прикончить, если бы это входило в его планы. Это немного успокоило, и Белла кивнула, а как только он отпустил ее — медленно и очень осторожно — и воздух вновь наполнил ее легкие, обернулась к нему с яростью и негодованием:

— Что все это значит? Кто...

Слова застряли в горле, стоило рассмотреть нападавшего. Даже того тусклого света, что пропускало окошко башни, было достаточно, чтобы понять: он очень опасен и явно не из тех, с кем захотелось бы остаться наедине не то что в темноте, но даже при свете дня. Сердце Беллы сжалось от страха.

Господь всемилостивый на небесах! Неужели Роберт действительно послал к ней этого человека?

Своим телосложением он мог внушить робость кому угодно: высокий и широкоплечий — сплошь мускулы, просто гора мускулов, могучий воин до кончиков ногтей, крепкий, сильный, опасный. Но ей хватило одного взгляда, чтобы понять: он не рыцарь. У него был вид воина, рожденного для битв, даже скорее варвара, способного драться даже в сточной канаве.

Кажется, того оружия, что было приторочено к его поясу, хватило бы для снаряжения небольшой армии. А еще она заметила рукояти двух мечей, расположенных на спине крест-накрест. Брони на нем не было: только черная кожаная стеганая куртка-акетон и поножи, утыканные маленькими стальными заклепками. Кольчужное оплечье черненого металла прикрывало шею.

Беллу поразили глаза незнакомца. Под устрашающего вида шлемом, снабженным носовой

пластиной, они казались неестественно живыми и столь яркими, что, казалось, горели, пронзая темноту.

Ни разу в жизни не доводилось ей видеть таких глаз. По спине пополз холодок, разбегаясь по коже точно ледяные колючие иглы.

«Кошачьи глаза, — подумала она. — Глаза хищника, под пристальным взглядом которых цепенеешь».

— Лахлан Макруайри, — сказал он, отвечая на незаданный вопрос. — Прошу прощения, графиня, что напугал вас, однако ничего не поделаешь: времени у нас мало.

Второй раз за вечер Белла лишилась дара речи. Лахлан Макруайри? Ее глаза стали похожи на блюда. Так этого человека Роберт отправил к ней, чтобы благополучно переправить в Скун? Наемника? Да не просто наемника, а человека, чьи подвиги на Западных островах снискали ему самую зловещую во всей Шотландии славу? Грозы морей в царстве пиратов?

Тут наверняка какая-то ошибка. Лахлан Макруайри продал бы мать родную тому, кто больше даст (если нашлась бы женщина, которая добровольно признала бы себя его матерью). Незаконнорожденный, по крови он был наследником одного из крупнейших владений на Западных островах. Земли клана отошли к законной наследнице, его сводной сестре Кристине, однако номинально он все равно числился вождем клана. Вот только долг и ответственность были для этого разбойника пустым звуком; когда-то он бросил своих людей на произвол судьбы ради собственной выгоды.

Варвар с черным сердцем — если у него вообще было сердце. Ходили слухи, будто он убил собственную жену.

Белла не знала, что и думать. Столько было поставлено на кон! Как можно поверить, чтобы Роберт послал к ней этого... этого лесного разбойника!

Белла всматривалась в темноту, силясь рассмотреть то, чего не заметила сразу. Святые угодники, только полюбуйтесь на него! Он и выглядел как настоящий головорез. Она могла бы биться об заклад, что его

подбородок не видел бритвы добрую неделю, а вдоль линии челюсти змеился шрам. Его пронзительный взгляд обладал такой силой, что мог бы резать камень. Из-под шлема торчали густые спутанные темные волосы, давно не стриженные и, скорее всего, не мытые, а лицо, насколько она могла видеть, было словно высечено из холодного сурового гранита. С некоторым удивлением она признала, что его взгляд исподлобья, квадратный подбородок, высокие скулы и крупный рот можно было бы счесть красивыми — нет, исключительно красивыми, — если бы не исходившее от всего его облика ощущение угрозы. Как жаль, что к такому лицу прилагалось черное сердце!

Их глаза встретились, и Белла поняла, что не только она здесь любопытный наблюдатель: он рассматривал ее с не меньшим интересом. Она физически ощущала, как, затаившись во мраке сумерек, он ощупывает ее своим взглядом.

Вдруг в его глазах зажегся огонек, отчего Белла вдруг смутилась, сама не зная почему. Ведь она привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее горящими глазами.

Ей едва сравнялось тринадцать, когда это началось. Как раз в это время у нее налилась грудь и округлились бедра, а личико утратило детскую пухлость. С тех пор мужчины стали смотреть на нее по-новому, так, будто хотели от нее только одного.

Она научилась не обращать внимания на такие взгляды, но сейчас все было по-другому. Над ней словно нависла угроза — подобных ощущений она никогда не испытывала. Пульс участился, по коже разлился странный жар.

Она инстинктивно отшатнулась. Он заметил ее испуг, и взгляд его сделался жестче.

— Лахлан Макрауйри, — повторил он, не скрывая раздражения. — Меня послал Брюс.

— Я знаю, кто вы, — буркнула Белла, не в силах скрыть отвращение.

Грубиян процедил сквозь плотно сжатые зубы: